

Директор Государственного Эрмитажу, Президент Спідки музеїв Росії Михайло Піотровський виступив з різкою критикою щодо перспективи ухвалення закону про передачу музейних цінностей церкві. Статтю з критичними оцінками Піотровського на адресу даної ініціативи було опубліковано в газеті "Время новостей".

СВЯТЫНИ ИЛИ НЕДВИЖИМОСТЬ

Музейное сообщество обеспокоено перспективой принятия нового закона, облегчающего процедуру передачи музейных экспонатов церкви. Мы все время слышим слова "имущество", "собственность". Гораздо реже — "святые". Люди, инициатирующие такой закон, воспринимают материальную культуру как недвижимость, а духовную — как имущество. Потому речь идет о собственности, в последнее время — об облегчении передачи этой собственности церкви.

Так вышло, что два поколения, занятые борьбой в политике, хождением во власть, оказались в чем-то обделенными в сфере культуры. Во-первых, они не знают, что такое музей. Во-вторых, не понимают, что такое духовность и культурное наследие. Не понимают, что культурное наследие и есть духовность нации. И музеи они слишком часто воспринимают как склад, полезный для удовлетворения разных своих амбиций и интересов.

Острый публичный конфликт создается на пустом месте: ведь каждый образованный человек, верующий или атеист, понимает — религия и культура не противостоят друг другу. Музеи и церковь делают одно общее и важное дело. Они институцио-

нально хранят и развивают духовное наследие народа и человечества. Действуя немного в разных сферах и говоря на немного отличающихся языках, они взаимно дополняют друг друга и даже помогают друг другу в годы невзгод и непонимания. Когда церкви у нас в стране по существу не было, знание о религии передавалось через музеи. Об этом справедливо говорил недавно патриарх Кирилл.

По большому счету музеям и церкви нечего делить. Есть ритуальное искусство, в котором преобладает сакральное. Его место в храме. Есть ритуальное искусство, в котором общечеловеческая доступность важнее. Попав в музей, оно становится общедоступным. Моя позиция: музеям и церкви надо договариваться напрямую, без посредников. Посредники нередко хотят замоливать собственные грехи за чужой счет или использовать духовную энергию религии и культуры в целях весьма приземленных.

Музейный фонд едва ли не единственная часть национального достояния, которая не подверглась приватизации или разграблению. Попыток было много, они продолжаются. Это усугубляется тем, что люди, привыкшие слышать о музейных сокровищах, представляют их в виде конкретных ценностей — золота, бриллиантов, то есть того, что ценно для продажи или обогащения. Им невдомек, что истинную ценность вещи создает музейный и научный контекст.

Непрерывные атаки на музейный фонд, кампании по очернению музеев и музейных хранителей сопровождаются призывами навести порядок. Напомню: именно таким наведением порядка в 1920-е годы назывался учет церковных ценностей. Вслед за учетом сразу последовали конфискации. Не нужно обострять проблемы и провоцировать конфликт. Иначе мы возродим тот же дух радостного разбоя, который сопровождал разграбление церквей и монастырей и не только в советскую эпоху.

Обращает на себя упорное желание изъятия экспонатов именно из музеев, где они лежат в целости и безопасности. Между тем существуют огромные частные коллекции, нередко "происходящие" из церквей. Часть из них непонятным образом вывезена и вывозится за границу. В антикварных магазинах и на аукционах в России и вне ее полно прекрасных икон. И церковь покупала замечательные коллекции за рубежом. Казалось бы, государственный аппарат мог бы потратить силы, средства и влияние на то, чтобы, возвращая эти иконы, компенсировать свою вину перед церковью. Но, увы, происходит обратное: власть переключилась на музеи своей страны.

Церковная атака на музеи далеко не первая. В нашей истории музеи неоднократно подвергались разорению — выдачи экспонатов после революции в другие музеи, катастрофические продажи за границу, переплавка ценностей, выдача для представительских целей и дипломатических подарков. Послесоветское время продолжило эту печальную традицию через атаки с целью передачи остатков “трофеев” бывшим противникам, картин — потомкам бывших владельцев. Вернулись требования отдать музейные вещи для представительских целей. К счастью, эти атаки удалось отбить и выработать рецепты. В частности, есть множество русских по происхождению вещей, которые продаются. Так, для Константиновского дворца куплена коллекция Ростроповичей, коллекция Лобанова-Ростовского... Пример, достойный подражания.

И вот теперь новая угроза: передача зданий и ритуальных предметов церкви. Передачу церкви государственного имущества нельзя представлять как процесс восстановления справедливости. Разорять музеи, святыни и храмы культуры так же вопиюще несправедливо, как и разорять церкви. Мы знаем на своем национальном опыте, как вредны лозунг “грабь награбленное” и всякие переделы. Конфискация церковного имущества и распродажи музеев тоже прикрывались справедливыми на тот момент лозунгами, вплоть до помощи голодающим.

На самом деле существует вполне понятная современная ситуация. В сегодняшней России церковь стала важнейшим общественным институтом. Она востребована властью, видящей в ней опору и понимающей ценность этой опоры в диалоге с обществом. Церкви нужны помещения, здания, храмы, ритуальные предметы. Для этого совершенно нет нужды разорять музеи. Можно строить новые церкви и здания для церкви или как компенсацию за то, что церкви передается. Нужно и можно делать копии вещей, хранящихся в музеях, покупать старинные иконы у коллекционеров и торговцев по всему миру. Наконец, необходимо поддерживать сегодняшнюю русскую иконопись.

Если продолжать настаивать на формулировке “восстановление справедливости”, потоком последуют требования наследников коллекционеров, затем требования представительских внешнеторговых организаций. Цена на нефть упадет, а торговать надо, значит, как в 1930-е годы, музейные экспонаты как антиквариат пойдут на аукционы — тайные и явные. Затем богатые люди, которые хотят украсить свой дом, свой сад, свою церковь, будут что-то требовать.

История с иконой Торопецкой Богоматери, изъятой из Русского музея, тоже отношения к религии не имеет. Это проверка и доказательство того, что

в нашем обществе деньги могут все — вплоть до насилия над духовностью. Есть деньги у человека, он может в новодельную церковь привезти икону. Речь идет именно об этом, а не о том, что это священная икона и перед ней должны молиться верующие. Если по прихоти богатого верующего можно изъять из национального музея древнюю и хрупкую икону, которую вполне можно заменить освященным списком, значит, можно все, значит, можно превращать святыню в недвижимость. Это имеет отношение не только к иконам и музеям.

Музей — такая же святыня, как храм. Музейный фонд неприкосновенен. Из него ничего не должно изыматься. Иконы не обязательно должны находиться в храме. Еще Николай II создавал музейные коллекции икон. Иконы привозились с Афона, на Афон делались копии. Вещи из монастырей передавались в музеи, чтобы их сохранить. Коллекции икон Русского музея возникли до атеистического времени. Попав в музей, они стали частью музейного организма. Высочайшая, циничная несправедливость — искупать грехи государства за счет музеев и культуры. Справедливость только одна — сохранение культурного наследия. Разорить музей, общественное достояние — путь назад. В церкви доступность вещи ограничена. В музейном пространстве икона не теряет возможности общения с человеком, верующим или нет. В храме с человеком светским она не общается.

Намерение “законодательного изъятия” музейных ценностей создает впечатление, что церковь будто бы участвует в новой атаке на общественное культурное достояние. Это вызывает глубокое сожаление и может нанести урон самой церкви, породив самые печальные стереотипы, связанные с ее образом в русской истории и культуре. В какой-то мере это явилось причиной русской революции, от которой сама церковь и пострадала. Когда у нас начинают говорить о православной общественности, простите, но всякий интеллигентный русский человек понимает, что это не церковь, а что-то совсем другое...

Музеи — хранилище духовной культуры нации. Политики обязаны это понять, а не руководствоваться броской сиюминутной целесообразностью: захотели — отдали экспонат предпринимателю, захотели — выставили на западный аукцион, захотели — вывезли в дворцы и посольства, захотели — отдали церкви... Нельзя искупать свои грехи за счет невинных.

Михаил ПИОТРОВСКИЙ,
директор Государственного Эрмитажа,
президент Союза музеев России,
член-корреспондент РАН

<http://vremya.ru/2010/16/10/246533.html>